

ЮРИЙ ГЛУХИХ

Прогулка по карнизу

Юрий Глухих

Прогулка по карнизу

«Издательские решения»

Глухих Ю.

Прогулка по карнизу / Ю. Глухих — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836606-2

Описываемые события разворачиваются во время спортивного путешествия группы горных туристов по Северному Памиру в середине восьмидесятых годов XX века. На маршруте путников подстерегают серьёзные опасности. Герои повести сталкиваются на своём пути со сложными препятствиями, которые мужественно преодолевают. Этому, несомненно, способствует своеобразный походный юмор, неизменный спутник горных туристов, создающий в коллективе единомышленников атмосферу дружбы и взаимовыручки.

ISBN 978-5-44-836606-2

© Глухих Ю.
© Издательские решения

Содержание

От родного порога	6
Нахлынувшие воспоминания	10
Последние приготовления	14
Старый Памирский тракт	18
Алайская долина	23
Ишачка	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Прогулка по карнизу

Юрий Глухих

Иллюстратор Юрий Глухих

© Юрий Глухих, 2019

© Юрий Глухих, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4483-6606-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От родного порога

Август, последний месяц лета, – мой самый любимый месяц в году, и не только потому, что именно в августе я появился на свет. Это время летних каникул, мечта любого студента и школьника. Погода в конце лета, как правило, мягкая и тёплая: ещё не холодно, но уже нет того пекла, что бывает в июне-июле. Август богат на спелые овощи и фрукты (не зевай, собирай урожай!). Но главное – вторая половина июля и август – самое удачное время для горных путешествий: лавинная опасность в горах минимальна, и климат высокогорья менее коварен и суров.

В начале августа 1986 года я проснулся ранним утром в родительском доме в окрестностях города Курган без всякого будильника, но встать не спешил и лежал, беззаботно нежась на диване, не открывая глаз. «На ближайшие три недели мне предстоит забыть о мягкой постели. Так стоит ли торопиться?» – думалось мне сквозь лень. Прислушался. На кухне гремела посудой мама: готовила завтрак. По квартире распространялся ни с чем не сравнимый дурманящий запах свежеспечённых блинов.

«Как быстро пролетел месяц!» – размышлял я, лёжа в постели. В июне, после окончания третьего курса Рижского института инженеров гражданской авиации, я был на студенческой практике на заводе имени Орджоникидзе в Минске, а весь июль отдыхал у родителей. И вот, как ни печально, наступил день расставания с родными. Для суеты не было причин: все приготовления завершены, и рюкзак собран ещё с вечера. Меня ожидала долгожданная встреча с друзьями, с которыми я запланировал совершить горное путешествие по «крыше мира». Именно так переводится Памир с одного из древних языков. Есть и другие толкования имени самого высокого горного массива Советского Союза: «подножие смерти», «нога птицы», «подножие Мирты» (бога солнца), – но «крыша мира» мне как-то больше по душе. Справедливости ради нужно признать, что Заалайский хребет, по которому пролегла нитка запланированного маршрута нашей горной «четвёрки», – это всего лишь северная окраина величайшей горной системы с гордым названием Памир, своего рода карниз «крыши мира». Нашей группе предстояла увлекательная прогулка по этому самому карнизу.

– Юра, пора вставать! Завтрак уже готов! – донёсся с кухни ласковый голос мамы. – Я приготовила твои любимые блинчики с творогом.

Мама всегда ужасалась моей худобе, когда я приезжал домой на каникулы, и всячески пыталась откормить сыночка за короткий срок пребывания на малой родине. И надо признать, всякий раз это ей удавалось. Обижать её совсем не хотелось. Я сладко потянулся и вскочил с постели. Пошёл умываться.

За столом собралась вся семья, кроме старшего брата. Тот уже был женат и жил отдельно от родителей. Отец ел молча, не спеша, как истинный хозяин дома. А я по студенческой привычке (лишь бы успеть пожрать между парами) быстро наворачивал блинчики и ещё отвечал на мамины вопросы.

– Когда теперь тебя ждать, сынок? – глубоко вздохнула мама.

– Недели через три, если всё удачно сложится, – ответил я с набитым ртом, – ещё приеду на недельку.

– Если удачно? – испугалась мама.

– Да всё будет нормально! – сказал я самоуверенно. – Не в первый раз!

– Ой, Юра, я всегда так переживаю, когда ты уходишь в горы. Ты, пожалуйста, там поосторожнее! Ладно?

– Угу, – промычал я, жуя, и согласно кивнул головой, абсолютно уверенный, что лично со мной ничего плохого случиться не может.

– И, пожалуйста, после похода сразу отправь нам телеграмму!

– Ладно, отправлю.

Младшая сестра Галинка оторвалась от поглощения блинчиков и удивлённо переводила взгляд с мамы на меня и обратно.

– Мама, ты чего так волнуешься? – не выдержала Галя и кивнула в мою сторону, – он же не на войну уходит?

– Типун тебе на язык! – ужаснулась мама. – Вот будут у тебя свои дети, тогда поймёшь!

Галя обиженно надула губы и упёрлась взглядом в тарелку с блинчиками, не желая продолжать разговор в таком тоне.

После завтрака я попрощался с родительским домом. У мамы увлажнились глаза. Я обнял её нежно за плечи и поцеловал. Чмокнул в розовую щёчку Галинку и ещё раз поблагодарил сестрёнку за шитую её умелыми руками походную экипировку: пуховую куртку и рюкзак. Уже который раз, когда я приезжал на каникулы, сестра шила по моим чертежам походное снаряжение. Новая пуховка получилась на славу, намного легче и удобнее прежней. А самодельный рюкзак, сшитый из прочного капрона, был значительно легче и вместительнее распространённого брезентового Абалаковского рюкзака.

Галинка вдруг расчувствовалась и пустила слезу.

– Ты чего ревёшь, дурёха? – не сдержал я снисходительной улыбки. – Развела тут сырость!

– Да ну тебя! Сам дурак! Ладно, иди уже, а то на рейс опоздаешь.

Я погрузил свой объёмный рюкзак в багажник отцовских «Жигулей», сел в машину рядом с отцом и сделал прощальный жест маме и сестрёнке. Они в ответ помахали мне руками.

Отец отвёз меня в Курганский аэропорт. По дороге он как-то напряжённо молчал. По моему, волновался, но не хотел подавать вида.

– Ну ладно, Юра, счастливого пути! – сказал отец, расставаясь, и после небольшой паузы добавил назидательно, – ты всё-таки там поаккуратнее!

– Хорошо, папа! До свидания!

Улыбаясь, мы пожали на прощание друг другу руки и крепко обнялись.

***

Во второй половине дня я прилетел рейсом Аэрофлота в город Ош – «Южную столицу» Киргизской ССР, один из древнейших городов с трёхтысячелетней историей, расположенный в восточной части Ферганской долины на высоте около 1000 метров над уровнем моря. При заходе самолёта на посадку я прильнул лицом к иллюминатору и любовался чудным пейзажем утопающего в зелени деревьев большого старинного города, окружающего, словно полы гигантской шляпы, внушительный скальный массив в самом центре населённого пункта. С юга город был охвачен травянистыми склонами предгорий, за которыми грозно возвышались белоснежные пики Алайского хребта.

В душном зале прибытия аэровокзала я сразу заметил в многолюдной толпе встречающих до боли знакомую долговязую фигуру в широкополой армейской шляпе и с небольшой дорожной сумкой через плечо. Меня дождался Денис Сафонов. Широко улыбаясь, он протянул мне жилистую руку и приветливо сказал:

– Здорово, Юра!

– Привет, Денис! – я радостно ответил крепким рукопожатием.

– Как долетел?

– Нормально. Без приключений.

– Вот и славно, все приключения ещё впереди, – многозначительно пообещал Денис.

– А где остальные? – спросил я, заглядывая Сафонову за спину.

– Тебе что, встречающий эскорт нужен? – усмехнулся Денис и покровительственно хлопнул меня по плечу. – Не ищи. Я один приехал. Остальные нас ждут на базаре.

Я был очень рад, что меня встретил именно Денис. Наша команда состояла из десяти человек. С некоторыми я был едва знаком или не знаком вовсе. Других прекрасно знал по совместным тренировкам и культурным мероприятиям клуба горных туристов. Но были и такие, с кем мне уже довелось делить все прелести (в прямом и переносном смысле) походной жизни. И Денис принадлежал к этой когорте проверенных людей, которых я уверенно причислял к своим друзьям. Сафонову было уже за тридцать. Годом раньше он успешно руководил нашей «тройкой» на Высоком Алае и потому являлся для меня непререкаемым авторитетом. Денис имел богатый опыт горных путешествий и соревнований по технике горного туризма и, безусловно, являлся одним из самых матёрых участников команды.

– Вы сами-то давно прилетели? – осведомился я у Сафонова.

– Утром. Уже полдня здесь околачиваемся.

Все, кроме меня, прилетели в Ош из Риги, добираясь транзитом через Москву.

***

Получив багаж, я вытащил из рюкзака небольшую сумку с цивильными шмотками, которыми планировал воспользоваться после похода, и сдал в камеру хранения. После чего мы покинули аэропорт и на общественном транспорте добрались до центра города.

«Кишащий муравейник» в выходные и праздничные дни, по будням восточный базар обычно полупустой, а в вечернее время и вовсе безлюден. Денис повёл меня по опустевшим торговым рядам к условленному месту встречи.

Огненно-рыжую кучерявую голову Вити Васюкова я узнал издали. Он стоял одиноко у пустого прилавка, уткнувшись в тетрадку, и делал в ней какие-то пометки авторучкой. Виктор – мой ровесник, но в отличие от меня, поступил в институт сразу после школы и теперь учился в аспирантуре. Годом ранее Васюков был фотографом в нашей «тройке» и по совместительству помогал завхозу, а теперь он сам стал завхозом и по должности был самым уважаемым человеком в группе, разумеется, после командира.

– Здорово, Витя! – радостно воскликнул я от избытка чувств после двух месяцев разлуки с приятелем и широко раскинул руки для дружеских объятий.

– Привет, Юра, – оторвавшись от своих бумажек, едва улыбнулся Виктор, будто мы расстались только вчера, и почти не глядя протянул мне свою пятерню. На его глубоко озабоченном лице читалась напряжённая работа мысли. «Как должность человека покалечила», – мысленно посочувствовал я товарищу, пожимая его клешню.

– Витя, ты чего здесь торчишь в гордом одиночестве? – удивился Денис. – А где народ?

– Между прочим, я вас дожидаюсь, – сдержанно порадовался нашему появлению Виктор. – А народ разбежался. Олег с Алёнкой где-то здесь болтаются. Должны скоро подойти. Остальные поехали на автобазу договариваться насчёт транспорта и подыскивать место для ночёвки. Предлагаю вам занять очередь в хлебной лавке, пока та не закрылась, и купить ещё свежих лепёшек в дорогу. Мы уже взяли десяток, но, думаю, недостаточно.

– Витя прав, пойдём за хлебом! – обратился ко мне Денис, поддержав разумную инициативу завхоза. – До выхода на маршрут ещё больше суток, а расходовать сухари раньше времени нельзя.

Я уложил свой рюкзак рядом с другими рюкзаками, аккуратно сложенными у ног Васюкова, и пошёл следом за Денисом. Хлебная лавка, едва ли не единственное место на базаре, где ещё толпился народ, располагалась совсем недалеко от облюбованного Витей пустого прилавка. Местные жители терпеливо стояли в ожидании очередной порции лепёшек, которые пекли тут же, в стационарном тандыре. Денис пристроился в конец длинной очереди, а я подошёл ближе к лавке и с любопытством наблюдал за таинством выпечки лепёшек тандыр-нан – традиционного хлеба среднеазиатских народов.

В лавке работали четверо. На заднем плане две женщины в длинных пестрых одеждах, укутанные в платки, раскатывали тесто. У тандыра трудился молодой пекарь с обнажённым торсом. Он быстро нырял с головой в круглое отверстие в стене пышущей жаром кирпичной печи и резким движением руки приклеивал сырую лепёшку к керамической поверхности внутренней части тандыра, выполненной в форме лежащего на боку сосуда с широким горлом. Такие трюки парень выполнял с каждым раскатанным в диск куском теста. Не удивительно, что цвет его кожи напоминал мне варёных раков. Когда пекарь приклеил последние лепёшки, первые были уже готовы. Ловко орудуя специальным крюком и ковшем, парень шустро вынул испечённый хлеб из печи и вывалил его из ковша в широкую корзину.

Наполненную до краёв корзину забрал седой мужчина (вероятно, отец семейства хлебопёков) и тут же начал торговать. Горячие лепёшки расходились по рукам в считанные минуты. Я вернулся к Денису. Очередь перед нами стремительно таяла, но и корзина пустела с той же скоростью. По закону подлости последние лепёшки разобрали перед нашим носом, и мы замерли у прилавка в ожидании следующей партии.

Неожиданно меня хлопнули сзади по плечу.

– Гражданин, Вы здесь не стояли! – услышал я строгий, но вполне узнаваемый голос и резко обернулся.

Передо мной стоял страшно довольный своей выходкой Олег Евгеньев по прозвищу Блондин, белокурый парень спортивного телосложения и достаточно высокого роста, самый молодой участник группы. Он, как и я, был ещё студентом, но поступил в наш институт на два года раньше меня и через полгода собирался покинуть Альма-матер. Евгеньев был самым опытным туристом в вузе (среди студентов, разумеется). В его копилке личного опыта уже имелось руководство горной «единичкой» и множество выступлений в командных соревнованиях по технике горного туризма. Олег владел ключами от клубного склада со снаряжением, своеобразным символом власти, и, безусловно, являлся студенческим лидером клуба туристов.

– И давно вы тут отираетесь? – поинтересовался Блондин, забавно шевеля пшеничными усами.

Денис пропустил хамски заданный вопрос мимо ушей.

– Может быть, поздороваешься для начала? А то пугаешь тут приличных людей... – апеллировал я к уснувшей совести Блондина.

– Здорово, Юра! – добродушно оскалился Олег, протянув руку для рукопожатия. – Держи краба!

– Вот это – другое дело! – я удовлетворённо принял его руку и приятельски хлопнул Олега по плечу.

«А вот и моя зазнобушка!» – подумал я. За спиной Блондина стояла Алёна Готовская и загадочно улыбалась, как это умела делать только она.

– Привет, Алёна! Рад тебя видеть, – я не лукавил и расплылся в широкой улыбке. – Прекрасно выглядишь!

– Как обычно! – рассмеялась Алёна. – Здравствуй, Юра! Спасибо за комплимент.

Я всегда испытывал к этой обаятельной игривой девушке целый букет сильнейших и весьма противоречивых чувств, в котором не нашлось места лишь равнодушию. Здесь в разное время были и щенячья радость восторженного очарования, и неудержимое юношеское влечение, и душевные муки тупой ревности, и щемящая боль обиды, и полное опустошение от горького разочарования. В данный момент мы с Алёной были просто друзьями, но эта дружба была проверена временем. Мы прошли вместе два горных похода. Бывали в разных переделках. Съели вкупе, если не пуд, то килограммовую пачку соли, которая выходила с потом, отлагаясь разводами на нашей походной одежде. Что может сроднить людей сильнее?

Нахлынувшие воспоминания

Я живо вспомнил, как минувшей зимой на республиканских соревнованиях по технике горного туризма в городе Валмиера тащил на себе Алёнку, изображавшую травмированного участника группы, по крутому снежно-ледовому склону от подножия гигантского лыжного трамплина до его верхней площадки. Когда перед соревнованием распределяли роли, Денис Сафонов, наш капитан, назначил «пострадавшим» Алёну Готовскую, единственного представителя прекрасного пола в нашей команде. Должность вьючного транспортного средства была вакантной. Ввиду специфической комплекции участников (никто не мог похвастаться геркулесовым телосложением) в команде не было явного фаворита на замещение столь почётной вакансии. И я, с пристрастием взглянув на Алёнку, вызвался на роль рабочего мула сам. Конечно, у нас в команде были и более крупные ребята, но у меня имелось одно неоспоримое преимущество: два года занятий в спортивной секции тяжёлой атлетики и, как следствие, прилично накачанные мышцы ног и спины.

Денис, немного подумав, согласился с моим самовыдвижением. И в урочный час я карабкался в кошках вверх по склону с бесценным грузом за плечами, напрягая все силы и обливаясь потом, цепляясь жумаром за навешенные ребятами верёвочные перила. Алёна, крепко сбитая и совсем не тощая, сидела на моём горбу в импровизированной беседке, изготовленной из перевернутого пустого Абалаковского рюкзака с максимально выпущенными лямками. Она обнимала мою шею своими нежными руками, прижимаясь грудью к моей спине, и подбадривала меня, как могла. Тонкие ремни от лямок рюкзака впивались в мои плечи, отчего руки совсем онемели, но тепло женской плоти и ласковые слова умножали мои силы, и я, стиснув зубы, упорно тащил Алёнку в гору...

***

Вспомнился и наш однодневный сплав на резиновых надувных лодках по реке Амата в пик половодья минувшей весной. По берегам ещё лежал снег, а мы с Алёнкой вдвоем, сидя на корточках в едва управляемой посудине, неслись по такой знакомой, в летнее время достаточно спокойной, но внезапно взбесившейся реке, лавируя между выступающими из воды пенистыми, будто кипящими, валунами и вздыбившимися корягами, ежеминутно рискуя порвать свою лодку в клочья. Ни я, ни Алёна ещё не имели тогда опыта участия в спортивных водных походах, и подобного экстрима на воде нам ранее испытывать не доводилось.

Вся река представляла собой один сплошной порог. Свирепые волны легко перехлёстывали низенький борт надувной лодки и обжигали нас ледяными струями. Уже через пять минут после старта мы оба вымокли ниже пояса и посинели от холода.

Управляемая вёслами, плоскодонная лодка легко крутилась вокруг своей оси, но менять направление движения упорно не желала, перемещаясь зачастую боком или даже кормой вперёд, увлекаемая стремительным потоком. Чтобы уклониться от нежелательной встречи с очередным буруном или острым суком поваленного дерева, приходилось усердно грести веслами, заранее просчитывая возможную траекторию надувного корыта. Работа веслом спасала от полного окоченения, и мы трудились не покладая рук. Я сидел на корме и, пытаясь переорать звериный рёв водяного потока, уже хрипел, отдавая команды себе и впереди сидящей Алёнке, ибо любое неслаженное действие могло привести к скоропостижной кончине нашего утлого судёнышка. С подтверждающими примерами такому нехитрому умозаключению мы сталкивались неоднократно, проплывая мимо не столь удачливых любителей экстрима, колдующих на берегу над своими повреждёнными плавсредствами.

Несколько раз мы садились на мель, оседлав мощный валун или выскочив на мелководе. И тогда я спрыгивал в ледяную воду, чтобы отведать в полной мере незавидную участь бурлака.

В окрестностях знаменитого утёса Звартес река стала шире и немного смирила свой нрав. Очарованный живописными берегами, я слегка расслабился и не заметил вовремя притаившуюся опасность. Сразу за утёсом Амата круто поворачивает налево, и стремнина реки прижимается к скалам. Когда спохватился – было уже поздно. Не смотря на все наши тщетные потуги уклониться от столкновения, мощный поток прижал надувную лодку к скале и, задрвав корму, выбросил меня за борт, как беспомощного щенка. Самое смешное, что лодка, резко сместившая центр тяжести, тут же выправилась, и Алёнка даже не заметила потери половины экипажа. Лишь оружие с берега старшие товарищи, мой троюродный брат Коля Аполлонов со своей женой Юлей, заставили её почувать неладное и обернуться.

Проходя крутой поворот, Аполлоновы сразу оценили степень его опасности и решили причалить к берегу, чтобы дождаться новичков, которых они сагитировали на столь дерзкую авантюру. Как оказалось, не зря опасались.

Позже, стоя у костра, Алёна Готовская смеялась, во всех красках описывая комичную ситуацию потери кормового, а тогда всем было не до смеха. Алёне пришлось серьёзно потрудиться, орудуя веслом, чтобы причалить к противоположному берегу, пологий склон которого позволял это сделать. А я при падении с лодки выронил своё весло из рук и едва не утопил. Благо, что дюралевая труба не спешила наполняться водой, и весло пошло ко дну не сразу. Я успел ухватиться за лопасть и вытащил его на поверхность. Спасательный жилет позволял держаться на плаву и грести одной рукой, но преодолеть мощное течение таким способом было крайне затруднительно. Выбравшись на берег, я шлёпал назад метров сто, чтобы воссоединиться с друзьями.

Странно, вымокнув до нитки, я не чувствовал сильного холода. Пенопластовые кубики спасжилета удерживали тепло моего разгорячённого адреналином тела. Тем не менее, нужно было активно двигаться, поскольку окоченение не входило в мои ближайшие планы. До моста, где заканчивался маршрут, было рукой подать, и мы продолжили сплав по реке.

Потом мы долго отогревались и сушились у жаркого костра. Наперебой делились своими впечатлениями от сумасшедшего сплава. Николай припас «для сугреву» бутылку водки, которая в разгар Горбачёвского сухого закона была встречена всей компанией на ура. Кстати, бутылку крепкого алкоголя мы опорожнили за ужином исключительно в медицинских целях, прогревая себя изнутри горячительным напитком после переохлаждения в ледяной воде.

***

Сплав на резиновых надувных лодках по Амаде произвёл на меня тогда неизгладимое впечатление. Мне захотелось развития отношений с Алёной. Её мимолётный роман с Денисом Сафоновым в прошлогодней «тройке» на Высоком Алае уже не казался чем-то ужасным и непреодолимым. А кроме того, я ужасно хотел вновь испытать те незабываемые острые ощущения, которые подарил мне водный поход.

Ещё сравнительно недавно в нашем институте была жива и здравствовала спортивная секция водного туризма. Но покинули стены вуза заядлые водники, одним из которых был мой троюродный брат, и спортивная секция почилла в Бозе. На складе (а он был у водников и горных туристов общим) в чехлах пылились три стареньких чудом сохранившихся байдарки «Салют», не вызывая у туристской братии ни малейшего интереса, поскольку никто толком не знал, в каком они состоянии и с какой стороны к ним подходить. Но было ещё не всё потеряно: один матёрый водник не расстался с институтом после вручения диплома, а устроился работать инженером на кафедре ФАВТ. «Последним из могикан» был Олег Алексеев родом из Елгавы, с которым я был хорошо знаком.

Олег давно соскучился по водным походам, но не мог найти единомышленников для путешествий по воде и тосковал от невозможности осуществить свои заветные мечты. Он не поверил своим ушам, когда услышал от меня дружеский совет вспомнить былые навыки. Глаза его вспыхнули азартом, как сухой порох от поднесённой спички. С энтузиазмом взявшись за организацию похода, Олег первым делом провёл ревизию наличных плавсредств на складе и сделал авторитетное заключение, что из трех уцелевших «Салютов» два ещё можно восстановить, а третий годится разве что на запчасти. Учитывая почти новый «Таймень» в личной собственности Олега, можно было рассчитывать на три полноценные байдарки.

У нас появились реальные шансы сходить в водную «единичку» на майские праздники, и мы немедленно приступили к подготовке путешествия. Я сагитировал присоединиться к нам Славика Дегтярёва, моего соседа по комнате в общежитии, которого я водил в пешую «единичку» минувшей осенью и уже успел пристрастить к турпоходам. Втроем мы отремонтировали два «Салюта» в кратчайшие сроки. Таким образом, определился количественный состав группы – по два человека на байдарку, то есть шесть.

Одно место в формируемой команде я зарезервировал для Алёны Готовской (разумеется, в экипаже моей байдарки) и при первой встрече на очередной тренировке горных туристов поспешил предложить ей составить нам компанию в водной «единичке». Каково же было моё удивление, когда на столь заманчивое предложение, за которое любая туристка ухватилась бы обеими руками, Алёнка пообещала лишь подумать. Поначалу я отнёс это к сложности оформления краткосрочного отпуска, о чём Алёна говорила сама, и обычному женскому жеманству. Но время шло, а ответа всё не было. Более того, Алёнка вообще пропала и не появлялась на горизонте. Я не терял надежды, но не знал, что и думать. Неизвестность становилась просто невыносимой. Нужно было срочно определяться с составом команды. Алексеев торопил меня, нервно переживая по поводу неукomплектованного штата. Я и сам понимал, что медлить больше нельзя, и предпринял экстренные меры по розыску пропавшей подружки.

Прежде всего, я узнал номер рабочего телефона Алёны и позвонил, чтобы прояснить ситуацию, морально готовый к любому повороту. Мне ответил приятный женский голос, сообщивший не менее приятную новость, что Алёна взяла краткосрочный отпуск для участия в водном походе на байдарках. Окрылённый столь радостным известием, я помчался к Алёне домой. Тот факт, что я там ни разу не был, и меня в гости вообще-то никто не приглашал, мог смутить кого угодно, но только не меня, ведь Алёнка уже надумала идти со мной в поход, но по каким-то нелепым причинам ещё не сообщила мне о своём решении. «Неужели я стану жертвой пред-рассудков и упущу капризную удачу, которая помахивает перед самым носом своим пушистым хвостом? – рассуждал я мысленно. – Да я возненавижу себя за это».

На мой звонок дверь открыла женщина лет сорока пяти, по всей видимости, мама Алёны.
– Здравствуйте! – вежливо поприветствовал я мамашу. – Алёна дома?

Миловидная дама с нескрываемым интересом посмотрела на молодого человека, пришедшего к её взрослой дочери, и огорошила его, то есть меня, совершенно неожиданным ответом:

– Алёна уехала в командировку.

– В командировку? – я оторопел от недоумения и не знал, что сказать.

– Да! – подтвердила мамаша. – Что ей передать, когда вернётся?

– Передайте, пожалуйста, что Юра приходил, – выдавил я с трудом.

С меня как будто слетели розовые очки, и мир мгновенно потускнел до неузнаваемости. Не желая расстраивать мамашу своей информацией, я распрощался с ней и поспешил покинуть квартиру. Почему-то в тот момент вспомнился старый анекдот: «Владимир Ильич сказал жене, что пошёл к любовнице, а любовнице – что пошёл к жене, а сам на чердак и учиться, учиться, учиться!»

«Эх, Алёна, Алёна! С кем же ты проводишь свой отпуск?» – мысленно задавал я горький вопрос и не получал ответа. На душе скребли кошки.

«Нет худа без добра», – гласит народная мудрость. На вакантное место я пригласил туристку Аню, которая так приглянулась Олегу, что пару месяцев спустя стала его законной супругой. И не мудрено. По сценарию, талантливо написанному Славиком Дегтярёвым буквально накануне отъезда, во время сплава мы снимали на любительскую кинокамеру замечательную комедию, в которой Аня блистательно сыграла роль ревнивой жены неверного мужа. В роли последнего удачно снялся Олег. А мне досталась роль никчёмного воздыхателя и верного поклонника Аниной героини, что вполне соответствовало моему удручённому состоянию на личном фронте. Кстати, фильм получился на славу. На общем собрании группы после похода мы смотрели немое чёрно-белое кино с нашим участием и надрывались от смеха.

В конце мая я встретился с Алёнкой на соревнованиях по скалолазанию и не удержался от вопроса:

– Ну, что, Алёна, не захотела идти в водный поход? – мой голос выражал искреннее сожаление.

– Ты думаешь, что я не захотела? – аккуратно, после небольшой паузы переспросила она.

– Думаю! – сказал я твёрдо, непроизвольно играя желваками от переполнявшей меня горькой обиды.

Алёнка немного замаялась, видимо, подбирая слова для объяснений.

– Нет, Юра, я хотела... – как-то не очень уверенно начала она.

– Тебе же дали отпуск! – прервал я Алёну, избавляя её от ненужной лжи.

Готовская прикусила губу и замолчала. На этом мы и расстались. Говорить было больше не о чем.

О развитии наших отношений я больше не помышлял. Как говорится в таких случаях, мы остались просто друзьями.

Последние приготовления

Пополнив продовольственный запас в хлебной лавке, мы вернулись к Вите Васюкову и стали ждать вестей от второй половины нашей команды, отправившейся на разведку. Ожидание было недолгим. Вскоре нарисовался Семён Агатов – заместитель командира и неформальный лидер группы. Семён, за глаза называемый уважительным прозвищем Дядя, к своим неполным тридцати пяти годам был уже умудрённым опытом корифеем горного туризма, руководителем турклуба и председателем маршрутно-квалификационной комиссии института. Агатов не мог похвастаться гренадерским ростом, но был физически крепок и вынослив, как мул. Я давно заметил, что по комплекции мы с ним очень похожи.

– Здравстуй, Юра! – тепло поприветствовал меня Дядя и пожал мою руку. – Как доехал? Не потерялся?

– Нормально! Меня Денис встретил, – ответил я, радуясь встрече.

– Понятно, – сказал Семён и окинул нас деловитым взглядом, – ну что, все в сборе? Тогда собирайтесь. Поехали!

Захватив рюкзаки, мы покинули базар и отправились городским автобусом на восточную окраину города, где начинается Старый Памирский тракт. По дороге Семён рассказывал последние новости:

– Представляете! Все автобусные билеты на завтрашние рейсы в Алайскую долину проданы ещё вчера. Короче, подходящего транспорта на десять пассажиров найти не удалось, поэтому завтра с раннего утра будем проситься на посадку в кабины грузовиков, что отправляются в сторону Хорога. Как правило, водители охотно берут попутчиков в далёкий рейс, причём, за умеренную плату. Для них это лекарство от скуки. Минус только в том, что группе придётся разбиться, так как ни один нормальный водитель больше двух пассажиров к себе в кабину не посадит.

Мы высадились на автобусной остановке у автобазы и прошли пешком по дороге до скрытой за деревьями небольшой лужайки, где уже стояли, установленные тандемом, две двускатные палатки. На поляне нас дожидались Алексей Бугорский, Николай Викторов, Янис Красинс и Регина Шредер. С первыми двумя я уже имел шапочное знакомство, а вторую парочку видел впервые. Обмениваясь рукопожатием, я совершенно произвольно пытался мысленно оценить каждого из четырёх оставшихся членов команды:

«Вот Алексей Бугорский по прозвищу Бугор – крупный брюнет лет тридцати с пышными усами в форме подковы, которыми ужасно гордится. Бугор – один из опытнейших участников группы. Не удивлюсь, если он гнёт руками настоящие подковы. Алексей, несомненно, силён, ещё бы скинул килограммов семь-восемь лишнего веса – скакал бы по горам, как дикий мустанг. Но вряд ли это позволит его широкая кость. Бугор по должности примусник. Он, как и я, носит очки. Уже успел скрепить дужки оправы резинкой. Надо и мне не забыть сделать то же самое, чтобы не потерять окуляры.

Викторов Николай, высоченный (под два метра ростом) худощавый светловолосый парень лет двадцати пяти с выдающимся острым носом на вытянутом лице, в сравнении с Бугором выглядит измождённым узником, недавно сбежавшим из концлагеря. Глядя на его тощую фигуру, я испытываю сердобольное желание угостить бедолагу свежей лепёшкой, купленной на восточном базаре. Его бы на откорм к моей маме на пару месяцев – стал бы другим человеком. Забавная внешность Николая и его добродушная физиономия вызывают у первого встречного искреннюю улыбку и необъяснимую симпатию. Викторов – хронометрист группы.

Янис Красинс – самый старший среди нас (на мой взгляд, ему не меньше сорока лет) и самый тяжёлый. Его интеллигентное доброжелательное лицо излучает оптимизм и положительные эмоции – прекрасные качества для фотографа нашей группы. Янис, несомненно, обла-

дает богатым жизненным опытом. Но мой, пусть не очень большой, опыт горных походов подсказывает, что его изрядные стратегические запасы под кожей не позволят ему наслаждаться красотой горных пейзажей в полной мере.

Регина Шредер – деловитая стройная и, судя по тому, как на неё смотрят старшие товарищи, весьма привлекательная блондинка возраста 30—32 лет. Она единственный курильщик в нашей компании, что на мой сугубо консервативный взгляд, несомненно, порочит светлый образ прекрасной дамы. Регина – руководитель группы, но должного трепета не вызывает даже у меня, чего уж говорить о наших корифеях. Не представляю, как она будет управляться с такой разношёрстной командой, как наша.

Ну вот, все действующие персонажи, кажется, собрались. Группа готова к выходу на маршрут».

По прибытию на поляну мы первым делом стали устанавливать нашу знаменитую «Корову», проверенную в походах самодельную палатку в форме полуцилиндра с двумя входами с торцов, изготовленную из парашютного шёлка. «Корова» была рассчитана на шесть человек. А каждая из уже установленных двускатных, номинально двухместных, палаток свободно вмещала трёх человек. Итого, наша совокупная жилплощадь была способна вместить аж двенадцать персон. Неслыханная роскошь для десяти туристов.

– Прошу минуту внимания! – обратилась Регина к участникам группы. – Поскольку вся команда в сборе, то предлагаю распределить жилплощадь и составить график дежурства!

Началось бурное обсуждение. У каждого – свои предпочтения. Все четверо из нашей прошлогодней «тройки» заявили свои законные права на «Корову», принадлежащую Денису Сафонову. Блондин, уже однажды оценивший достоинства палатки с диковинным названием (не его ли острый язычок окрестил её парнокопытным жвачным животным семейства полорогих?) и склонный по вполне понятным причинам водить компанию с молодёжным крылом группы, тоже изъявил желание прописаться в «Корове». Участники более зрелого возраста, Дядя и Бугор, «кучковались» с Региной Шредер. А Николай и Янис решили занять третью палатку, откровенно радуясь перспективе отсутствия тесноты, так часто сопровождающей кочевой быт туриста. Все были ужасно довольны. Каждый получил, что хотел, без спора и драки.

Чтобы составить график дежурства, разбились на пары. Алёнка, как и в прошлом году, выразила желание дежурить с Сафоновым. Витя Васюков предложил мне стать его напарником, и я, разумеется, согласился: тянуть ляжку легче с проверенным другом. Николай и Янис, уже связанные узами добрососедства под крышей одной палатки, дежурить тоже решили вместе. Дядя сумел очаровать Регину и уговорил её составить ему компанию. Само собой, Блондин оказался в паре с Бугром. Очередность определили жребием.

Пока не стемнело, решили устроить ревизию продуктов и снаряжения.

– Народ, давайте проверим, всё ли мы забыли! – подал голос Сафонов, ответственный за снаряжение. – Тащите сюда в кучу весь общественный снаряж! Проверять буду!

– Палатки снимать? – съехидничал Блондин.

– Можешь снять, но ставить потом сам будешь, – не моргнув глазом, ответил Денис.

– Спасибо, родной! – ухмыльнулся Олег. – Пусть пока постоит.

– Продукты тоже тащите сюда! – крикнул Васюков и расстелил тент от палатки для приёма ревизии.

Все послушно вытряхнули рюкзаки и соорудили два холма посреди поляны. Началась перепись общественного имущества. Все продукты уже давно были взвешены и расфасованы по хлопчатобумажным мешочкам, что значительно упрощало работу завхоза. Денис тоже только ставил галочки в своём блокноте, проверяя наличие неоднократно взвешенного и учтённого ещё в Риге снаряжения, опасаясь лишь одного: «Не дай бог, кто-то что-то забыл». Осталась незафиксированная масса ремнабора, закреплённого за мной, и канистр с авиационным

керосином, который Бугорский приобрёл утром в аэропорту. Сафонов получил необходимые данные с помощью безмена и с деловитым видом занёс их в блокнот.

– Юра, ремнабор должен быть не больше килограмма! А у тебя он весит кило сто! – ворчливо упрёкнул меня Денис.

«Старая песня», – ухмыльнулся я про себя. Год тому назад Сафонов также отчитывал меня за превышение нормы (в его понимании), установленной непонятно кем и когда. Но готовясь к «четвёрке» и взвешивая все «за» и «против», я сумел добиться снижения веса ремнабора только на 100 граммов относительно прошлогоднего результата и теперь готов был отстаивать каждый оставшийся грамм.

– А ты когда был последний раз ремонтником? – я упёрся в оппонента сверлящим взглядом. – Ещё при царе Горохе?

Денис, не ожидавший такого дерзкого отпора, слегка опешил и посмотрел на меня, как на желторотого птенца, вскормлённого с его руки, который внезапно расправил крылья и отправился в свой первый полёт.

– ...А я в прошлом году! – продолжил я сурово свою тираду. – Поэтому прошу мне не указывать, товарищ ответственный за снаряжение! – я выделил интонацией последние слова, прозрачно намекая, что Сафонов не командир.

– Что, Денис, отбрили тебя? – расхохотался Бугор, ожидавший взвешивания своих канистр. – Учти! Если начнёшь ко мне докапываться, я ещё не так отбрею!

– Да ну вас, балбесы! – Сафонов сокрушённо махнул на нас рукой и молча продолжил свою работу.

После проведённого учёта стал известен общий вес общественного снаряжения и продуктов, и Денис приступил к вычислению индивидуальной нагрузки, в которой делалась скидка только на пол индивида. Личные вещи и снаряжение в расчёт не брались. Каждый тащил свои пожитки сам. Правила были известны всем. В таких довольно жёстких условиях каждый старался брать с собой в поход только самые необходимые вещи, оптимальные по объёму и весу.

Я умудрился сократить вес личного имущества в сравнении с прошлогодним походом больше чем на килограмм, но всё равно был уверен, что рюкзак на старте в этот раз будет значительно тяжелее. Денис огласил результаты своих расчётов, и все разобрали закреплённое за каждым общественное снаряжение, дополнив личную ношу до указанной нормы продуктами питания. Как я и предполагал, разница в индивидуальной нагрузке между прошлогодней «тройкой» и начинающейся «четвёркой» получилась весьма ощутимой. Сказывались и увеличение количества походных дней, и повышение сложности маршрута.

Сгущались сумерки. Пора было ужинать. Первыми на дежурство согласно составленному графику заступили Николай и Янис. Глядя с лёгкой улыбкой на эту колоритную парочку, колдующую над примусами, я невольно вспомнил Дровосека и Страшила из детской сказки «Волшебник изумрудного города».

За ужином я хотел прояснить сложившуюся тревожную для меня ситуацию и ждал, когда все насытятся. Туманная перспектива дробления группы, нарисованная Дядей в автобусе, не добавляла мне уверенности в завтрашнем дне.

– Позвольте полюбопытствовать, какие у нас планы на завтра? – осведомился я во время чайной церемонии. – Я даже не представляю, куда мы поедем. Утром разделимся, а когда и где собираться будем? Просветите меня, тёмного, а то уеду куда-нибудь в Китай!

– Юра, ты не один такой! – весело рассмеялась Алёна. – Я тоже ничего не знаю!

– Не бойся, в Китай не уедешь! – с ухмылкой заверил Бугор. – Пограничники повяжут!

– Ты, главное, в Афган не махни! – развил тему Блондин, упражняясь в острословии. – В Китае глаза прищуришь и за своего сойдёшь, а моджахеды могут и башку отрезать неверному.

– Не, серьёзно, я тоже теряюсь в догадках, что мы будем завтра делать! – поддержал меня Васюков.

– Успокойтесь! Я как раз после ужина собиралась всё вам рассказать, – постаралась снять напряжение в группе своим мягким спокойным голосом Регина. – Завтра встаём в четыре часа. Завтракаем, сворачиваем лагерь и выдвигаемся к автобазе. На попутных машинах добираемся до посёлка Сары-Таш в Алайской долине. Там место сбора группы. Дальше будем действовать по обстановке. Нам нужно к вечеру добраться до кишлака Шивее, где и начинается маршрут нашей «четвёрки».

– Ну вот, теперь всё предельно ясно, – изрёк я с облегчением. – Только бы все эти мудрёные названия запомнить. Надо будет записать.

Стемнело очень быстро. Стали расползаться по палаткам уже при свете звёзд. Я предвкушал, как просторно и комфортно будет в «Корове» впятером.

– Да тут кататься можно! – восхитился Олег, проникший в палатку раньше всех, и сразу растянулся в самом центре.

– Давайте распределим места, – предложил Денис. – Я на правах собственника палатки выбираю первым и буду спать с краю.

– Я рядом с тобой! – мгновенно среагировала Алёна, едва тот закончил фразу.

– А я уже на своём месте! – осклабился Олег.

– Шустрый мальый! Занял самую середину! – я и сам был не прочь спать рядом с Алёнкой, а по сему не испытывал восторга от такого неслыханного нахальства Блондина. В то же время я всегда считал, что место в середине палатки занимают только слабые и больные, к коим себя не причислял, и потому сильно возражать не стал. – С одним условием, Олег. Когда дежуришь – спишь у входа. Чтобы не будил нас утром.

– Идёт! – самодовольно согласился Блондин, демонстрируя показное великодушие.

– Если вы позволите, то я лягу с другого краю, – вежливо занял место Васюков.

– Да ради бога! – обрадовался я совершенно искренно, что не придётся мёрзнуть в горах, лёжа у самого входа. – Ты, Витя, мужик закалённый. Я за тебя спокоен.

– Вот и славно! Трам-пам-пам! – пропел Виктор любимую концовку забавной песни из кинофильма «Обыкновенное чудо».

Мы залезли в общий спальник (конверт из двух больших одеял на синтепоне, соединяющихся «молнией», покрывающий всю площадь палатки), постеленный поверх ковра из стёганого синтепона, и улеглись по своим местам. Долго не могли уснуть, ворочаясь на непривычно твёрдой постели. Я вспоминал, как ещё утром нежился на мягком диване в родительском доме почти на две тысячи километров севернее места нашей ночёвки.

Старый Памирский тракт

В четыре утра дежурные встали по будильнику и разбудили всю группу. В утренних сумерках, пока Коля и Янис готовили завтрак, остальные сворачивали лагерь. Что будет с обедом, было неясно, поэтому все плотно позавтракали и взяли с собой в дорогу сухой паёк из орехов, карамели и лепёшек. Фляжки наполнили чаем, которого приготовили в избытке.

После завтрака быстро собрали рюкзаки и выдвинулись к автобазе. Там началась охота за попутным транспортом. Семён Агатов, хорошо знакомый с местными нравами, договаривался с водителями, собирающимися в далёкий рейс по Старому Памирскому тракту, и раздавал команды всем участникам группы. Сам он планировал ехать последним.

На первой машине уехали Денис с Алёнкой.

– Юра, ты следующий! – крикнул Семён и ткнул пальцем в сторону цистерны на колёсах, – поедешь на бензовозе. Карауль его на выезде с автобазы. Он там остановится. Запомни! Машина идёт в Хорог, а тебе нужно выйти в Сары-Таше! Всё понял?

– Да! – ответил я утвердительно и тут же спохватился, – а где мы там встретимся?

– В центре у развилки дороги! Посёлок маленький, не потеряемся!

– Понял!

– Тогда пошёл!

Я закинул на спину рюкзак и поспешил, как только мог, к условленному месту. Ноша была непомерно тяжела. Никогда ещё до этого момента я не носил рюкзак тяжелее сорока килограммов.

***

Ждать пришлось недолго. Автомобиль с цистерной выехал за пределы автобазы и остановился. Не дожидаясь особого приглашения, я открыл дверцу кабины, поднатужившись, закинул рюкзак и следом влез сам. Едва захлопнулась дверь, бензовоз тронулся с места.

– Здравствуйте! – радостно поприветствовал я водителя. В ответ получил только лёгкий кивок головы.

Водитель, рослый киргиз мощного телосложения неопределённого возраста (уже не молод, но ещё не седой) оказался неразговорчивым, скорее всего, плохо говорил по-русски. «Вероятно, не служил в Советской армии: там бы быстро научился, – подумалось мне. – Хотя не факт». Я окинул оценивающим взглядом фигуру водителя и почему-то вспомнил артиллерийскую «учебку» в Горьковской области, где мне довелось служить первые полгода.

Был в нашей учебной батарее один азербайджанец двухметрового роста, так за полгода службы тот едва ли выучил десяток слов по-русски. Как он принимал присягу – одному богу известно. Я при этом не присутствовал. В батарейном строю по ранжиру этот верзила неимоверной силы стоял вторым, сразу за худосочным длинноногим литовцем по прозвищу Циркуль, которого при желании мог уложить в готовальню одной левой, ибо кулаки имел с мою голову. Не знаю, то ли он и правда был непроходимым тупицей, то ли так убедительно придурился, но без труда добился того, что за все полгода ни разу не сходил в караул, а на занятиях по строевой подготовке ходил в строю прогулочным шагом. Вёл себя азербайджанец достаточно миролюбиво, никого не трогал и общался только со своими земляками на родном языке. Сержанты, на которых в «учебке» держалась вся дисциплина, его откровенно побаивались и старались не замечать, руководствуясь двумя пословицами: «не буди лихо, пока оно тихо» и «дуракам закон не писан».

Я ненароком присматривался к человеку, которому безоглядно доверил свою жизнь на опасной дороге. На суровом, почти непроницаемом лице водителя уловил едва заметные признаки интеллекта и немного успокоился. «Надеюсь, не угробит меня вместе с автомобилем на горном тракте», – промелькнуло в голове.

Дорога начала подниматься в горы. Мы ехали по Старому Памирскому тракту, построенному ещё в конце девятнадцатого века сапёрами русской армии с целью обеспечения возможности оперативной переброски войск из Ферганской долины в Алайскую и осуществления их эффективного снабжения. В тридцатых годах двадцатого века строительство дороги, имеющей стратегическое значение, было продолжено. Она соединила Ош с Хорогом, а несколько позже Хорог с Душанбе и получила название Большой Памирский тракт. Дорога до сих пор является единственной жизненно важной артерией, которая связывает Памир с цивилизацией.

Серебристая лента дороги струилась в долине мимо наполненных жизнью зелёных лугов, огибая массивные возвышенности, нередко подрезая горные склоны и обнажая скальные породы, пролегла через небольшие населённые пункты с преимущественно неказистыми одноэтажными домами, перепрыгивала по мостам многочисленные ручьи и речки.

Первый перевал на пути – Чыйырчик (2402 м). Дорога начала петлять и забираться всё выше. Двигатель машины натужно ревел, преодолевая крутой уклон. Навстречу нам попала отара овец, невозмутимо бредущих прямо по проезжей части, лениво погоняемых чабаном. Водитель бензовоза вынужден был остановиться, чтобы пропустить животных. За отарой выстроилась длинная вереница встречных машин. Какой-то водила нервно сигналил, пытаясь хоть как-то ускорить движение тупоголовой скотины, но это не помогало. Мы терпеливо ждали. Наконец отара прошествовала мимо, и мотор бензовоза взвыл, медленно сдвигая с места предельно загруженный автомобиль. Движение продолжилось.

С перевала открылся великолепный вид в долину реки Джайлы-Суу. Но южное солнце, поднимаясь всё выше над горизонтом, слепило мне глаза, не позволяя наслаждаться живописным пейзажем и созерцать красоту окружающего мира. Кабина раскалилась. Лишь настёж открытые окна спасали от лютого зноя. Однако за этот естественный обдув приходилось расплачиваться внешним видом: густая пыль из-под колёс впереди идущего транспорта, разогнавшегося на спуске, оседала на потном лице, покрывая его толстой коркой грязи.

Ближе к устью реки Джайлы-Суу показался районный центр Гульча с едва различимыми за густой зеленью многочисленных деревьев невысокими домами. Мы проехали мимо мусульманского кладбища, где наряду со скромными надгробьями возвышались величественные мавзолеи, выполненные из кирпича и обработанного природного камня, представлявшие, несомненно, архитектурную ценность. Дорога поворачивала на юг и пролегла по берегу реки Гульча, снова набирая высоту.

Ландшафт становился всё более суровым. Чувствовалось близкое дыхание высокогорья. Небо затянулось облаками, и жара заметно спала. Приближаясь к Алайскому хребту, дорога извивалась, будто гигантская змея, и серпантинном ползла на перевал в заоблачные дали. Впечатляющее зрелище буквально завораживало своим великолепием, и я зачарованно смотрел на длинную вереницу машин, устремлённых в небо. Вероятно, бандерлог из сказки Киплинга так же взирал на гипнотический танец смерти в исполнении питона Каа.

Как нельзя некстати начался дождь. Мы с водителем, не сговариваясь, подняли боковые стёкла. Дорожное полотно намокало и становилось скользким, осложняя и без того нелёгкую задачу нашему бензовозу на подъёме. Мой молчаливый сосед врубил пониженную передачу, и машина медленно, но уверенно ползла в гору, закладывая крутые виражи на серпантине. После каждого поворота направо автомобиль двигался по внешнему краю дороги, и моё сердце замирало от страха, когда на этом участке попадался встречный транспорт. Чтобы разъехаться на узкой и к тому же скользкой дороге, водитель бензовоза вынужден был прижимать свою машину к самому краю пропасти. Терпеть не могу, когда в рискованной ситуации от меня

абсолютно ничего не зависит. Я посмотрел в боковое стекло и увидел где-то далеко внизу груды искорёженного металла, когда-то называвшуюся грузовиком. Печальное зрелище не добавляло мне оптимизма. Воспалённое воображение рисовало жуткую картину, как наш бензовоз срывается в пропасть, многократно переворачивается и взрывается. Я чувствовал, как холодеет от пота моя спина и выступает испарина на лбу.

На очередном повороте автомобиль остановился, прижавшись вплотную к отвесной стене, чтобы пропустить встречные машины. На дороге лежали крупные камни. Видимо, совсем недавно произошёл обвал, и двустороннее движение стало невозможно. Я с опаской посматривал вверх в лобовое стекло и думал: «Если камни посыплются снова, то я даже дверь открыть не смогу».

– Господи, пронеси! – самопроизвольно прошептали мои губы.

Встречные машины проехали. Теперь бы тронуться с места. Водитель включил первую передачу и вдавил в пол педаль акселератора. Двигатель взревел от натуги, как раненый зверь. Колёса пробуксовывали, но автомобиль всё же медленно-медленно сдвинулся с места и продолжил свой нелёгкий путь.

С набором высоты мы пересекли нижнюю границу дождевых облаков, и видимость резко ухудшилась. Порывы ветра усилились. Крупные капли дождя нервно барабанили в лобовое стекло. Дворники едва справлялись с отводом потоков воды. Ума не приложу, как водитель ориентировался в таких жутких погодных условиях, умудряясь продолжать движение буквально наощупь.

Внезапно дрога пошла вниз, и мотор мгновенно среагировал, сменив надсадный вой на довольное урчание. Я понял, что перевал Талдык (3615 м) пройден. На душе стало веселее, хотя расслабляться было ещё рано: на спуске, как правило, опасностей подстерегает ещё больше. Главное – не дать машине разогнаться. Бензовоз, управляемый мускулистыми руками матёрого водителя, спускался по дороге на пониженной передаче, тормозя двигателем.

Вскоре дорога стала выравниваться, последовал не очень крутой и непродолжительный подъём на перевал «40 лет ЛКСМ Киргизии», после которого начался долгожданный спуск в Алайскую долину. Машина вырвалась из плена свинцовых облаков, плотно окутавших Алайский хребет. Видимость сразу улучшилась, ветер стих, но солнца по-прежнему не было видно. Редкие капли дождя, смахиваемые дворниками с лобового стекла, уже не пугали. Я с облегчением почувствовал, что самый опасный участок Старого Памирского тракта пройден, и мы всё быстрее удалялись от злополучного места.

Дождь прекратился. Впереди показались одноэтажные дома. Бензовоз пересёк по мосту речку Арык-Суу и въехал в посёлок.

– Сары-Таш! – громоподобным голосом объявил водитель и остановил машину у развилки дороги.

Я вздрогнул от неожиданности, будто со мной заговорил каменный идол: оказывается, водитель умеет говорить.

– Рахмат! – поблагодарил я киргиза на его родном языке, отчего взгляд сурового горца заметно смягчился. Полезно иметь в словарном запасе десяток – другой слов из местных наречий на такой случай.

Я заметил у обочины знакомую парочку в армейских шляпах, рассчитался с водилой и, захватив рюкзак, покинул кабину бензовоза.

***

– А вот и я! – радостно крикнул я Денису и Алёнке. – Давно вы тут околачиваетесь?

– Привет, Юра! – обрадовалась Алёна. – Да мы уже минут двадцать здесь скучаем!

– Теперь втроём скучать будем, – пообещал Денис. – Юра, ты случайно примус не захватил?

– Нет.

– Значит, будем Бугорского ждать. Оба примуса у него, – Денис досадно развёл руками. – Автоклав есть. Продукты есть. А обед приготовить не на чем.

– А вы что, сухпай уже приговорили? – спросил я удивлённо.

– Долго ли умеючи! – рассмеялась Алёнка. – У меня на перевале от страха такой жор проснулся! Кстати, ты видел грузовик в пропасти?

– Видел.

– Шофёр нам рассказал, что машина неделю назад сорвалась. Два человека разбились, один насмерть, другой чудом выжил. Всё случилось на его глазах.

– Да там один остов! Наверное, уже год валяется, – не поверил я своим ушам.

– Наивный! – усмехнулась Алёнка. – За неделю всё на запчасти растащили!

Я мысленно протестовал всеми фибрами души. Терпеть не могу, когда меня называют наивным. Это задевает моё самолюбие. Я хотел было поделиться своими впечатлениями от перевала, но после обидных слов в свой адрес демонстративно потерял интерес к теме разговора и достал из-под клапана рюкзака свой нетронутый мешочек с сухим пайком. Уловив заинтересованный взгляд Алёнки, неспешно развязал узел, стягивающий горловину мешочка, и вынул карамельку.

– Хочешь? – поинтересовался я лукаво, соблазняя Алёнку, словно змей-искуситель.

– Нет, спасибо! – она старательно изображала равнодушие и отвернулась.

– Да бери! – я запихнул конфету девушке в ладонь, давясь от смеха.

– Ну ладно, уговорил! – как бы нехотя согласилась Алёна и одарила меня своей очаровательной улыбкой.

Я достал вторую карамельку и, руководствуясь исключительно правилами приличия, предложил её Денису, но тот ещё не полностью израсходовал личный запас и предпочёл подкрепиться орехами и куском лепёшки из своего кисета. Не могу сказать, что его отказ меня сколько-нибудь огорчил. С чувством исполненного долга, без угрызений совести я развернул конфету и картинно отправил её в свою голодную пасть, жмурясь от удовольствия. Заметил озорной взгляд Алёнки, которая испытывала аналогичные чувства от карамельки за щекой и выглядела в этот момент немногим лучше меня. Мы откровенно ржали друг над другом, отчего сами становились ещё смешнее.

– Какие-то странные у вас конфеты! – Денис смотрел на нас, как на двух придурков под кайфом, не сдерживая улыбки.

Раздался противный звук трения шин об асфальт. Возле нас резко затормозил автомобиль ЗИЛ-130, из кабины которого вывалился изрядно помятый и чумазый Блондин, светлые волосы которого приобрели пепельный цвет от дорожной пыли и стояли дыбом. Едва захлопнулась дверь кабины, грузовик сорвался с места, оставив за собой клубы пыли.

– Олешка приехал! – радостно воскликнула Алёна.

– Живой! – криво улыбнулся Блондин, утирая рукавом пот со лба. – Фу, ребята, страху то натерпелся! Это же камикадзе, а не водитель! Лихач хренов! – Олег погрозил кулаком вслед умчавшемуся автомобилю. – Думал, уже не доеду. Вы машину в пропасти видели?

– Видели! – в один голос ответили мы с Алёнкой, смеясь.

– Чего вы ржёте? – недоумевал Олег. – Между прочим, пять дней назад там люди погибли. И ваш покорный слуга сегодня мог запросто разделить их участь!

Мы с Алёнкой переглянулись.

– Пять дней, говоришь. А куда колёса делись? Там же один скелет остался! – проявил я любопытство, пожелав услышать версию Олега.

– Чудак-человек! За пять дней всё, что можно было, уже сняли. Не пропадать же добру! – снисходительно ответил Блондин.

– Ну, ну... – съехидничал я. – Ты всё это сам придумал, или кто подсказал?

– Да мой водитель свидетелем катастрофы был! – разгорячился Олег.

Денис и Алёнка не сдерживали эмоций, почувствовав себя персонажами анекдота. А Блондин в недоумении злился, считая, что ему не верят.

– Я, между прочим, сразу понял, что нам лапшу на уши вешают, – давился от смеха Денис, обращаясь к Алёне.

– Кто, я лапшу вешаю? – негодовал Олег.

– Да не ты, успокойся! – одёрнула его Алёнка. – Шофёр!

Она стала пересказывать Олегу версию катастрофы, услышанную в машине по дороге через перевал, сопровождая свою речь выразительной мимикой и жестиком, забавно изображая завравшегося водителя. Блондин постепенно смягчался и к концу рассказа расплылся в широкой улыбке.

Следующим приехал Виктор Николаев. Он вылез из кабины ГАЗ-53, словно заправский гонщик, в защитной каске жёлтого цвета, на которой красовалась римская цифра V из синей изоленты, оставшаяся с последних соревнований, чем несказанно развеселил заскучившую было компанию. Его приветствовали радостными воплями и весёлыми восклицаниями.

– Виват, Николай! – я поднял руку, сложив пальцы в виде цифры на Колиной каске.

– Коля! Защитные очки забыл надеть! – потешался Блондин

– А где обвязка и кошки? – смеясь, развивала тему Алёнка.

– Самостраховку потерял! – откровенно глумился Денис.

– Вам ха-ха! А голова у меня не казённая, – жаловался нам Николай, расправляя затёкшие плечи, и сумбурно, взхлёб, делился своими свежими впечатлениями, – всю дорогу трясло... А кабина маленькая... Головой бился... Пришлось каску надеть... А на перевале – жуть... Мы же чуть в пропасть не сорвались... А вы видели, там грузовик валяется? Шофёр сказал, что это его приятель три дня назад разбился. Представляете, за одну ночь всю машину по винтикам разобрали!

Вся компания взорвалась от хохота. А Коля хлопал непонимающими глазами...

Алайская долина

Алексей Бугорский с примусами приехал предпоследним, а буквально следом за ним – Семён с Региной. Варить обед было уже некогда. Готовился к отправлению пассажирский автобус до Дороот-Коргона, и мы поспешили занять в нём места.

Не успел автобус выехать за пределы посёлка, как его остановили вооружённые люди в зелёных фуражках. Передняя дверь открылась, и в неё вошёл командир пограничного наряда.

– Прошу всех пассажиров приготовить документы, удостоверяющие личность, и пропуска в пограничную зону! – строго потребовал он и вышел из автобуса, не желая пробираться через наши рюкзаки, которыми был забит весь проход.

Пропуск у нас был выписан один на группу. Агатов собрал у всех паспорта и вместе с Региной вышел к пограничникам. Остальные замерли в ожидании завершения утомительной процедуры проверки документов. Через четверть часа Семён заглянул в салон и, пошарив глазами, упёрся взглядом в меня:

– Юра, выйди, пожалуйста! К тебе есть вопросы! – позвал он с лёгким недоумением в голосе.

– Какие ещё вопросы? – я впервые сталкивался с пограничниками и от такого повышенного интереса к своей скромной персоне со стороны компетентных органов не ожидал ничего хорошего. Покидал автобус, не зная, что и подумать.

– Вы Минин? – вежливо обратился ко мне светловолосый сержант в лихо сдвинутой на затылок зелёной фуражке, демонстрируя свой пышный кучерявый чуб из-под козырька. «Явный признак старослужащего», – отметил я про себя. Пограничник держал в руке мой паспорт, который я легко узнал по тёмно-коричневой кожаной потёртой обложке с выдавленным гербом Советского Союза.

– Ну, я. А что, не похож? – ответил я не очень учтиво, морально готовясь к какой-нибудь пакости.

Сержант пристально посмотрел мне в лицо и вдруг обнажил жемчужно-белые зубы в широкой улыбке:

– Похож! Просто я первый раз за всю службу встречаю земляка!

Нервное напряжение на моём лице сменилось откровенным удивлением:

– А ты откуда родом?

– Я тоже из Курганской области. Из Макушино. Ты бывал там? – его вопрос выражал пылкую надежду.

«Макушино – районный центр на востоке Курганской области, – сообразил я мгновенно. – Мне там бывать не доводилось и вряд ли когда-нибудь придётся».

– К сожалению, нет, – сознался я сокрушённо, и, не желая терять позитивный тон разговора, задал дежурный вопрос, – когда на дембель, земляк?

– Да уже скоро, – сдержанно улыбнулся сержант. – Этой осенью!

– Понятно! А я весной восемьдесят третьего дембельнулся, – сказал я с лёгким налётом превосходства в голосе, какой бывает практически у всех, кто ушёл на дембель значительно раньше своего собеседника. – В ГСВГ служил, в артиллерийском полку. А как тут служба, в горах?

– Нормально! Поначалу было тяжело, а потом привык, – признался пограничник. – До службы гор-то и не видел.

Я уловил нетерпеливый взгляд Дяди и вынужден был свернуть столь милую беседу.

– Ну, ладно, приказа осталось ждать недолго, скорого дембеля тебе, земляк! – я тепло попрощался с сержантом и крепко пожал ему руку.

В салоне автобуса чувствовалось нескрываемое беспокойство за мою судьбу.

– Юра, чего к тебе докопались? – взволнованно спросила Алёнка, едва я поднялся на подножку.

– Да всё в порядке! – заверил я с излишним бахвальством.

Обстановку разрядил Семён Агатов, поднявшийся в автобус последним:

– Юрик земляка встретил и болтал с ним битый час! – сказал он с издевательской ухмылкой.

– Какой час? И пяти минут не прошло! – вспыхнул я от возмущения.

– Вот жук! А мы тут волнуемся, переживаем! – Алёна округлила глаза, делая вид, что сердится.

– У, студент! – благодушно рассмеялся Янис. – Заставил всех ждать и волноваться!

– Леща ему отвесить за это! – подал гневный голос Бугор.

– Лишить его компота! – звонко выкрикнул Блондин.

– Это можно, – ласково согласился Васюков, – а заодно конфет и прочих сладостей!

– Да вы что, озверели? – отбивался я, как мог. – Я без сладкого отошаю и паду, как загнанная лошадь!

– Не волнуйся, мы не дадим тебе долго мучиться! – многозначительно пообещал Денис.

– Ну, спасибо, отец родной, – ответил я Сафонову с укоризной. – Век не забуду твою доброту!

– Не обижайся, я пошутил, – Денис понял, что перегнул палку, и сделал шаг к примирению.

***

Автобус ехал на запад по Алайской долине. Дорога тянулась извилистой лентой по правому берегу Кызыл-Суу, то приближаясь к реке, то удаляясь от неё. За рекой начиналась горная страна – та самая «Крыша мира». В редких разрывах облаков просматривались снежные вершины Заалайского хребта. «Где-то там пик Ленина, – размышлял я мечтательно. – В солнечную погоду его должно быть хорошо видно с дороги, но сейчас он укрылся за молочной пеленой, и шансы обнаружить знаменитый семитысячник близки к нулю».

Автобус мерно раскачивался на кочках и ухабах, укачивая утомлённых длительной дорогой туристов. Глаза закрывались сами собой: веки налились непомерной тяжестью, ресницы слипались. Сказывались непривычно жёсткая, почти бессонная ночёвка и ранний подъём. Я пытался бороться с дремой, но безуспешно. Моя голова склонилась набок и бессильно упала на плечо соседа, Вити Васюкова. А тот будто только этого и ждал, тут же сложил своё ухо мне на темечко.

***

– Приехали, выгружайся! – громко прозвучала команда Агатова.

Я разомкнул веки, посмотрел в окно и не поверил своим глазам. Похоже, я проспал всё на свете. Уже начало смеркаться. Автобус стоял на остановке в населённом пункте. По всей видимости, это был Дороот-Коргон. «В здоровом теле – здоровый сон», – мысленно успокаивал я себя, следуя за товарищами к выходу.

На улице было свежо. Холодный ветерок бодрил и разгонял остатки сна. Мы свалили свои тяжеленные рюкзаки на автобусной остановке и тут же стали утепляться. Я вытащил из-под клапана рюкзака форменную чёрную хлопчатобумажную куртку, выданную мне в институте в комплекте рабочей одежды, которую в предстоящем походе я собирался использовать в качестве штормовки, и накинул на плечи.

– Надо поискать транспорт до Шивее! – деловито сказала Регина. – Хорошо бы уехать сегодня, чтобы завтра с утра выйти на маршрут.

– Поищем! – лукаво улыбнулся ей Дядя.

– Ищите и обрящете! – пытался острить Блондин.

Семён с Региной и Янис с Бугром ушли на разведку. Все прочие остались ждать на остановке, изнывая от вынужденного безделья.

– Юра, какой у тебя стильный костюмчик! – подколот меня Денис.

– В особенности пуговицы! – азартно подхватила Алёна.

Винт с крылышками, изображённый на форменных пуговицах, привлекал всеобщее внимание.

– Не баран чихал! – ответил я гордо.

– Между прочим, очень удобная вещь, особенно нагрудные карманы, – похвалил Олег. – У меня такой же костюм был, да потрепался весь.

– Не бережёшь ты казённое имущество! – я с напускной суровостью погрозил Блондину пальцем.

– Посмотрим на твою куртку после похода! – парировал мой выпад Олег.

– Вот-вот! Имущество казённое, а используется не по назначению. Долго не прослужит, – назидательным тоном кота Матроскина из мультфильма «Трое из Простоквашино» вещал Васюков. – У меня, например, роба до сих пор в целости и сохранности.

– Ты, наверное, хранишь её, как память, и каждый день пылинки сдуваешь?! – не удержался от прикола Николай.

– Бережливый ты наш! – расхохотался Олег.

Друзья переключили своё досужее внимание с моего костюма на Витину персону и весело отпускали в его адрес всякие колкости. Васюков уже был не рад, что вклинился в разговор.

Вернулись разведчики. И Агатов объявил:

– Поедем на газике. Сейчас он подъедет.

Действительно, к нам быстро приближался, поднимая за собой густые клубы пыли, автомобиль ГАЗ-69.

– Мы же там не поместимся! – воскликнул я удивлённо.

– Уедем в два захода, – пояснил Семён и обратился к Сафонову, – Денис, оставайся с молодыми, только автоклав отдай. Мы ужин приготовим. Завхоза возьмём с собой.

– Хорошо, – согласился Денис.

Газик резко остановился, скрипя тормозами, у автобусной остановки. Семён, Регина, Бугор, Янис и Виктор затащили свои рюкзаки в салон. Агатов уселся на кресло рядом с водителем, а остальные стали устраиваться на боковых лавках. Мы учитывали местные нравы, поэтому все переговоры с горцами от имени группы вёл мужчина, и Регина временно уступила свои полномочия Дяде. Денис вручил автоклав Семёну, и тот подал знак водителю трогаться.

Газик уехал, испортив чистейший горный воздух выхлопными газами. Я задержал дыхание и стал ждать, когда ветер разгонит едкий сизый дым.

– Ну и вонючка! – сморщилась Алёна.

– Дышите глубже! Вдыхайте аромат цивилизации! – острил Блондин гнусавым голосом, зажав пальцами нос.

– В гробу я нюхал такой аромат! – скривился Николай.

– Коля, в гробу будут совсем другие благоухания. Боюсь, они тебе не очень понравятся. Не стоит туда торопиться! – посоветовал я дружелюбно.

– Да я и не тороплюсь! – улыбнулся Николай.

Газик скрылся из вида. Я совершенно не представлял, сколько нам придётся ждать, но догадывался, что машина вернётся нескоро. Следовало себя чем-то занять. И тут я почувствовал, как жутко проголодался. «Правильно, завтракали чуть свет, а обеда и вовсе не было, –

роились в голове беспокойные мысли. – Ужинать будем невесть когда». Я вспомнил про заветный мешочек с сухим пайком и вынул его из рюкзака.

– Вот куркуль! – изумился Евгенийев. – Я свой сухпай уже давно оприходовал!

– И я! – признался Николай.

– Это вы поторопились! – подколот я обоих.

– Он ещё над нами издевается! – вдруг разозлилась Алёна, у которой тоже был пустой кисет.

– Да ладно, что я? Жмот, что ли? Поделюсь! – пообещал я оголодавшим товарищам и открыл уже существенно похудевший мешочек. «Пятерым тут – на один зуб», – промелькнула тоскливая мысль.

– Что б вы без меня делали! – Денис хитро прищурил глаз и одарил всех попечительским взглядом.

Такие слова даром на ветер не бросают, и народ замер в ожидании чуда. Сафонов порылся в своём рюкзаке и, словно факир, извлёк из него увесистый свёрток. Развернул плотную бумагу и обнажил колбасный сыр вполне приличных размеров.

– Вот, неучтёнка! – декламировал Денис под восторженные возгласы публики. – Здесь полкило. По сто грамм на рыло.

– Ух ты! – в экстазе выдохнул Николай.

– Денис, ты волшебник! – восхищённо вскричала Алёнка, хлопая в ладоши.

– Чародей! – выпалил я, не скрывая эмоций.

– Откуда? – вытянул лицо Блондин.

– В аэропорту купил, пока Юрика ожидал, – Денис был явно доволен произведённым эффектом. – Ну, кто делить будет?

– Я! – сразу вызвался Николай. – Только следите за моими руками, – честно предупредил он. – Сыр может исчезнуть!

– Нет уж, тогда лучше я! – не оценил шутку Блондин. – У меня ничего не пропадёт!

Олег вынул из кармана складной нож и начал резать сыр крупными ломтями прямо на упаковочной бумаге.

– Ты чего так толсто режешь? – упрекнула его Алёна. – Это же не батон!

– Большому куску и рот рад! – невозмутимо ответил Блондин.

Оголодавший народ стал брать по ломтику сыра, не дожидаясь окончания нарезки.

– Осторожно, руку не отрежь! – предупредила Алёна и потянулась за только что отрезанным кусочком.

– А зачем тебе руки? – усмехнулся Блондин. – Венера Милосская без рук, а какой популярностью пользуется!

Все мужики весело заржали.

– Спасибо, не нужна мне такая популярность! – слегка обиделась Алёна.

– Как знаешь! – самодовольно улыбнулся Блондин.

Мы с удовольствием уплетали сыр, доедали сухой паёк и допивали из фляжек остатки чая. Настроение в компании заметно улучшилось. Чтобы как-то скоротать время, рассказывали по очереди анекдоты и байки.

***

Газик вернулся, когда уже стемнело. Рядом с водителем опять сидел Семён.

– Загружайтесь шустрее! – скомандовал он.

Мы уложили рюкзаки в конце салона, а сами расселись на боковых лавках. Только теперь я мысленно оценил всю мудрость Агатова: «В машине на одного человека больше, но нагрузка на автомобиль не увеличилась. Алёну и Олега можно по комплекции сопоставить с Региной

и Виктором, а я, Денис и Николай втроём едва ли дотянем до массы и объёма дуэта Яниса и Бугра».

Газик резво разогнался и понёсся вприпрыжку по ухабистой дороге, освещая путь своими фарами. Машину ужасно трясло и раскачивало. Твёрдые скамейки совсем не поглощали вибрацию. Я сжимал челюсти, чтобы не клацать зубами, опасаясь случайно прикусить язык в этой зубодробильной камере. В салоне царило гробовое молчание, поскольку никто не рисковал открыть рот...

В полном мраке и с комфортом, достойным мешков с картошкой, мы доехали до кишлака Шивее, расположенного на правом берегу одноимённой реки на высоте 2400 метров над уровнем моря. Нас встретил Алексей Бугорский.

– Как доехали? Не укачало? – с издёвкой в голосе спросил Бугор.

– Нормально! – весело ответил Агатов, бодро спрыгивая с подножки.

Остальные пассажиры не разделяли Дядино оптимизма и вываливались из машины с помятым видом, бормоча грязные ругательства в адрес водителя и его транспортного средства. Трезво оценив наше состояние, Бугор залез в салон и выкинул рюкзаки. Агатов рассчитался с водителем, и Газик, круто развернувшись, скрылся в темноте.

– Идите за мной! – распорядился Бугор и включил фонарик.

– Да, подожди ты, Лёха! Дай кости размять! – возмутился Денис. – У меня от этой тряски всё седалище болит!

– Не понял! Ты кости хочешь размять или седалище? – заржал Бугор.

– Чёрствый ты человек! Никакого у тебя сочувствия к товарищу! – горько упрекнул его Денис и сокрушённо махнул рукой, – ладно, веди нас... Сусанин!

Бугор отобрал у Алёны рюкзак и пошёл куда-то в темноту, подсвечивая себе фонариком. Мы двинулись за ним следом. Дядя тоже включил фонарь и пошёл замыкающим. За пределами селения почуяли аромат только что сваренной гречневой каши с тушёной и, непроизвольно ускорив шаги, вышли к двум палаткам. У догорающего костра рядом с палатками сидели наши товарищи. Я повёл ноздрями. К аппетитному запаху примешался неприятный табачный дым.

– Ну, наконец-то! – вскочила Регина с сигаретой в зубах и посчитала нас по головам, – кажется, все. Заждались мы вас. Давайте быстрее к столу. Каша стынет!

Мы сняли рюкзаки и стали готовиться к трапезе. «Сейчас бы умыться с дороги, но это потом. Сперва – ужин. Грязь на роже в темноте не видно, и быстро её не отмоешь, а каша действительно остынет», – подумал я.

За ужином народ делился впечатлениями от поездки по горным дорогам, со смехом вспоминая весьма неприятные моменты.

– Ну что, друзья, завтра выходим на маршрут! – торжественно сказала после трапезы Регина. – Поэтому советую всем не засиживаться. Подъём в шесть часов. Дежурные встают полшестого.

Последняя фраза относилась к ней самой, так как по графику дежурили Регина с Семёном.

– А где тут вода? – спросил я, допивая чай. – Мы же далеко от реки! Не знаю, как другие, а я грязный, как чёрт! Умыться бы надо!

– Здесь неподалёку источник есть! – ответил Виктор. – Я покажу!

– Умоешься! – бесцеремонно встрял Денис. – Все умоются! Только давайте сначала палатку поставим!

– Давай! – согласился я с «железными» доводами Сафонова.

Обитатели двускатных палаток улеглись спать, а мы при свете фонарей стали устанавливать свою «Корову» и стелить постель. Когда все приготовления были завершены – появилась возможность и о себе подумать.

Прихватив туалетные принадлежности, пошли следом за Васюковым. Тот привёл нас к источнику и вернулся в лагерь, а мы начали отмывать от вьевшейся грязи лицо и конечности. Холодная вода бодрила и освежала. Блондин заигрывал с Алёнкой, орошая её брызгами. Та взвизгивала и отвечала ему тем же. Я стал обрызгивать обоих, за что тут же получил с лихвой. Денис, оказавшийся между нами, ругался на всех.

В лагерь вернулись в приподнятом настроении, громко разговаривая и смеясь.

– Эй, молодёжь! – прозвучал из командирской палатки недовольный голос Агатова. – Нельзя ли потише! Не даёте спать приличным людям!

Алёлка весело фыркнула и нырнула в палатку.

– А-а-а! – раздался из «Коровы» сдавленный вопль Васюкова. Он уже задремал, а Готовская случайно в темноте надавила ему руками на причинное место.

– Ой, Витя, извини! – испуганно вскрикнула Алёна. – Я не хотела!

– У-у-у! – завыл Виктор, сжавшись в клубок.

– Да что у вас там за балаган! – громко возмутился Агатов.

– Наследства лишают! – истошно возопил Васюков.

Последнее известие вызвало в лагере нездоровый ажиотаж. Из соседних палаток в нашу сторону светили сразу несколько фонарей, видимо, всем захотелось посмотреть, как лишают наследства.

– Витя, ты как здесь оказался? – сочувствуя пострадавшему, спросил Сафонов. – Ты же должен был лечь с другого края!

– С какого, другого? Они что, промаркированы? – простонал Васюков.

– Я всегда ложусь так, чтобы выход был слева от меня. Значит, у тебя выход должен быть справа, – наставлял Виктора Денис.

– Мало того, что покалечили, так теперь ещё кантовать будут, – ворчал Васюков, понемногу отходя от болевого шока.

– Товарищи, представление окончено! С вас по рублю! – дурачился Блондин, обращаясь к обитателям соседних палаток. Но не встретил поддержки своим шуткам.

– Витя, ты как? В порядке? – проявила беспокойство Регина.

– Да хрен его знает! – выругался Виктор, всегда отличавшийся интеллигентностью.

Ругательства из уст Васюкова подействовали на всех магическим образом, вызвав приступ неудержимого смеха.

– Витя, ты прав! Он точно знает! – потешался Блондин.

– Орехи проверь! На месте? – глумился Бугор.

– Да ну вас, черти полосатые! – рассердился Виктор, чем только усилил хохот.

Обитатели «Коровы» улеглись в спальнике по своим законным местам. Всем было пора спать, но внезапное возбуждение от курьёзного случая прогнало сон. Ещё непривычная, твёрдая постель также не способствовала дреме. Мы молча ворочались, пытаясь устроиться поудобнее. Виктор заснул первым. Его тихое посапывание под самым ухом подействовало на меня успокаивающе, и я постепенно погрузился в глубокий сон.

Ишачка

– Витя, проснись! Молоко свернулось! – услышал я сквозь сон громкий шёпот Агатова.
– Что за дурацкие шутки... – пробормотал спросонья Васюков.
– Какие тут шутки! Вставай! – настаивал Семён.
– Что, уже шесть часов? – проснулся Блондин.
– Нет ещё, спи! – ответил ему Дядя приглушённым голосом.
– Так какого чёрта! – свирепо ругнулся Олег. – Я только-только уснул!
– Граждане-товарищи, имейте совесть, дайте поспать! – простонал я умоляюще.
– Спи, спи! – успокаивал нас Семён полушёпотом, но продолжал теревить Васюкова, – а ты, Витя, завхоз, поэтому вставай!

Витя нехотя поднялся, бормоча под нос проклятия в адрес Агатова, и вывалился из палатки. Я тут же заснул.

***

Прозвучала команда «подъём». Я потянулся и открыл глаза. Васюкова рядом не было, значит, мне не приснилось, и Агатов всё-таки приходил. Но зачем? Про какое-то молоко наплёл...

– Слушай, Олег, что там у Дяди свернулось? – спросил я Евгеньева.
– Совесть у него свернулась! – нахмурился Блондин. – Под утро самый сладкий сон, а он всё испоганил.

– А что тебе такого сладкого снилось? – лукаво улыбнулась Алёна.
– Да я уже не помню... – уклонился от ответа Олег.
– Не помнишь? – рассмеялась Алёнка. – А что ж тогда ко мне прижимался?
– Вот жук! – округлил я глаза. – Он, поди, ещё и руки распускал?
– Я ему распушу! – убедительно пообещал Денис. – Мало не покажется!
– Но-но, только без рук! – огрызнулся Блондин.
– Как знаешь, могу и ноги применить, – заржал Денис.
– Деспот! Никакого понятия у человека о гуманизме и толерантности... – недовольно пробормотал Блондин, вылезая из палатки.

– Ничего, Алёна, сегодня он будет спать с краю и прижиматься к тебе не будет! – заверил я Готовскую.

– А ты уже подсчитал! – Алёнка насмешливо прищурила глаза и сверлила меня своим плутовским взглядом. – Сам прижиматься будешь?

«Нет, эта чертовка мне определённо нравится и загоняет меня в краску, как никто другая, – признался я мысленно сам себе. – И как ей это удаётся? Я чувствую себя перед ней нашкодившим мальчишкой».

– Эй, в «Корове»! – прозвучал строгий голос Дяди. – Вы чего там копаетесь! Бегом на завтрак!

Мы покинули палатку и, захватив КЛМН, поспешили к столу. Утренний прохладный ветерок приятно освежал. Солнце ещё не взошло из-за гор, но восточные склоны уже озарились мягким светом. «На небе облачно. Надеюсь, жары сегодня не будет», – подумал я с оптимизмом.

За трапезой Дядя рассказал мистическую историю. Согласно раскладке, составленной завхозом, дежурные должны были приготовить утром манную кашу. Семён, как положено, развёл сухое молоко тёплой водой и поставил на огонь. Но когда молочная смесь закипела, то

совершенно неожиданно свернулась хлопьями. Так обычно ведёт себя прокисший молочный продукт. Но когда успело скиснуть только что разведённое сухое молоко? Дядя вспомнил, что в его прошлогодней «пятерке» на этом же месте случилось абсолютно то же самое, и сделал авторитетное умозаключение: «Либо вода в источнике имеет какую-то кислотность, незаметную на вкус, либо в кишлаке Шивее шайтан завёлся».

«Так вот почему Агатов разбудил нас сегодня ни свет ни заря!» – дошло до меня, наконец, осознание утреннего происшествия. Вследствие происков нечистой силы дежурные отказались от затеи сварить молочную кашу и вынуждены были экстренно сменить запланированное блюдо. Потребовалось согласование с завхозом и корректировка раскладки. С другой стороны, дежурные с завхозом фактически заново приготовили завтрак, из-за чего всю остальную братию подняли минут на двадцать позже намеченного срока.

Едва Семён закончил свою увлекательную речь, взяла слово Регина. Попивая крепкий чёрный кофе из новенькой красивой кружки, она поделилась с командой ближайшими планами:

– Друзья мои! Сегодня мы выходим на маршрут. Учитывая максимальный вес рюкзаков на старте и необходимость акклиматизации, мы с Семёном запланировали на первый день похода достаточно скромный отрезок пути. Нам нужно подняться по правому берегу реки Шивее до её истоков, где сливаются речки Тер-Аша и Ташкаров. Набор высоты составит примерно семьсот метров. График движения сегодня будет шадящий: 45 минут ходка, 15 минут привал, – отодвинув опустевшую кружку, Регина достала из кармана пачку Marlboro и вынула из неё сигарету. Решительно скомкала пачку и бросила её в догорающий костёр. Картинно закурила. – Всё! Это последняя сигарета! – самодовольно улыбнулась она. – До конца похода обязуюсь не курить!

– Вот это по-нашему! – одобрительно выкрикнул Бугор.

***

После завтрака все умывались, переодевались по-походному, сворачивали лагерь и укладывали рюкзаки. Выход был назначен на 8:30. Наступил волнительный момент старта.

– Ну что, друзья, выходим на маршрут! – весело объявила Регина, скрывая нахлынувшее волнение. – В добрый путь!

– Лёд тронулся, господа присяжные! – в изысканной манере Остапа Бендера продекларировал Семён и подал команду зычным голосом, – под рюкзак!

Мы помогли друг другу закинуть на спину неподъёмные рюкзаки и медленно тронулись в путь. У меня за плечами висел груз, составлявший две трети моего собственного веса. В эту минуту я сравнил себя мысленно с нагруженным ишаком.

Группа вышла на широкую сильно набитую конную тропу, хорошо заметную на травянистом склоне, и растянулась цепочкой. Впереди шёл Дядя, единственный из нас, кто уже бывал в этой местности. Сразу за ним – Регина. Я плёлся в середине колонны следом за Янисом, почти упираясь головой в его раздутый, как огромный арбуз, Абалаковский рюкзак. Янис тяжело дышал. Ему было явно тяжелее, чем мне. Я с благодарностью вспоминал сестру за то, что помогла мне сшить новый рюкзак. Выкройку я скопировал с рюкзака Дениса Сафонова. Ещё в прошлогодней «тройке» я оценил все достоинства его личного снаряжения и кое-что взял себе на вооружение. В сравнении с Абалаковским мой рюкзак был не только легче и вместительнее, но и гораздо удобнее. Благодаря его оптимальной форме центр тяжести заплечного груза у меня находился выше и значительно ближе к спине. Этот факт, несомненно, облегчал мне походную жизнь, но взмокшая от пота рубаха и слипшиеся волосы на покрытом испариной лбу красноречиво свидетельствовали о том, как мне тяжело. Подобные ощущения испытывало большинство из нашей группы.

Мы прошли несколько кошей и остановились перевести дух. Блондин, освободившись от рюкзака, сбегал к киргизам и вскоре вернулся с полным айрана котелком.

– Утощайтесь! – радостно выпалил он.

– Смотрите! Наш пострел везде поспел! – похвалил Евгеньева Дядя.

Айран разлили по кружкам. Прохладный божественный на вкус кисломолочный напиток из овечьего молока утолял жажду и повышал тонус. Бугор выпил свою кружку залпом, вытер усы кулаком и крикнул от избытка чувств. Другие не торопились, растягивали удовольствие, но также выражали восторг, не стесняясь своих эмоций. Регина жмурилась. Семён закатывал глаза. Янис благодушно поглаживал живот. Алёнка сексуально облизывала губы, а Денис ей что-то шептал на ушко. Оба заразительно смеялись. У Виктора с Николаем был рот до ушей – хоть завязочки пришей. А физиономия Блондина излучала полнейшее блаженство. Я выглядел, наверное, не менее фактурно.

Регина спохватилась и строго кивнула на часы: привал явно затянулся. Мы без лишних слов взвалили на плечи свою поклажу и продолжили путь.

Под рюкзаком время тянулось крайне медленно. Сорок пять минут ходьбы казались нескончаемыми. А солнце поднималось всё выше и жарило всё сильнее. Редкие облака скрывали небесное светило совсем ненадолго. «И куда они разбежались, позорные?» – задавался я тоскливым вопросом. Моему разочарованию не было границ: ведь я на них так рассчитывал. Смотреть по сторонам совершенно не хотелось. Солёный пот струился по лицу и при повороте головы норовил попасть прямо в глаз. Да и смотреть-то, собственно, было не на что. Бесхитрый пейзаж вовсе не радовал. Я шагал, упираясь взглядом в ноги впереди идущего товарища, поминутно поглядывая на ручные часы...

Команда «привал» звучала как спасительный звонок на долгожданную перемену после нестерпимо нудного урока в далёком детстве. Мы освобождались от тяжкого бремени. И мир взрывался радужными красками, жизнь снова становилась прекрасной и удивительной во всём своём многообразии. Внизу игриво шумела вода в стремительно бурном потоке. Высоко над головой парил красавец горный орёл в изумительно светлых небесах. И пейзаж вдруг становился совсем не унылым, как казалось ещё пять минут назад, а очень даже ничего. «Как вообще можно было пренебречь таким великолепием? – думалось мне. – Жаль только, время бежит – не остановишь». Пятнадцать минут отдыха пролетали незаметно. Не успевал я толком расправить усталые плечи, насладиться первобытной красотой на лоне природы и надышаться полной грудью пьянящим ароматом горных трав, как вновь звучала команда «под рюкзак», будь она неладна. И всё повторялось сначала.

Миновали арчовый лес. Справа открылось ущелье реки Саз-Джийлоо. Группа прошла мимо устья этого притока Шивее и остановилась на большой привал в тени деревьев недалеко от ручья. Дежурные начали готовить обед. Остальные предались заслуженному отдыху.

Мы с Виктором отправились к ручью. Сбросив тяжёлые вибамы и мокрые от пота носки, окунули свои ноющие натруженные ступни в студёную проточную воду. Не могу сказать, что сия процедура доставила мне массу удовольствия. Ноги нестерпимо ломило от холода, но усталость как рукой сняло. Виктор разделся по пояс и, низко согнувшись над ручьём, зачерпывал широкими ладонями воду и мыл свой голый торс, громко крикая, как заядлый мазохист. От такого жуткого зрелища меня пробил озноб, и я решил ограничиться помывкой лица и шеи. Мы высушили на ветру мокрые части тела, переобулись в кроссовки и вернулись под тень деревьев.

– Ну как водичка? – поинтересовался Бугор. Он уже переобулся и намеревался тоже посетить ручей.

– Высший класс! – я показал большой палец.

– А чего дрожишь? – усомнился в моей искренности Алексей.

– От удовольствия! – растянул я посиневшие губы.

– Я будто заново родился! – с блаженной улыбкой высказался Васюков. – Сходи Лёша! Не пожалеешь!

– Уговорили, черти! – хохотнул Бугор и отправился умываться.

– Пойду и я омоложусь! – вяло улыбнулся Янис. По его измученному лицу было видно, как он сильно устал.

Личный состав мелкими группами по очереди дефилировал к чудесному ручью и возвращался заметно посвежевшим.

У некоторых из нас появились на ногах первые натёртости – предвестники мозолей. Алёна по долгу службы распечатала походную аптечку и настоятельно предлагала пострадавшим воспользоваться лейкопластырем. Покрасневшие натёртые места лучше сразу заклеивать. Мозоли – самая распространённая болячка в походах. И бороться с ними нужно своевременно, не доводя до кровавых пузырей.

На обед у нас был суп харчо из пакетиков. В начале путешествия, особенно в жару, обычно есть совсем не хочется, а супчик с острыми приправами разжигает аппетит. Дежурные позвали всех к столу. Дядя орудовал черпаком, наполняя протянутые миски ароматным супом, а Регина раздавала народу разделённые на порции сухари, кусочки копчёной колбасы и сыра.

Суп, только что снятый с огня, обжигает губы, особенно, если его есть металлической ложкой. Я высыпал половину своей порции сухарей прямо в миску, превратив горячий суп в густую похлёбку вполне приемлемой температуры, и стал наворачивать её деревянной ложкой, лукаво поглядывая, как другие дули на свои столовые приборы. Деревянная ложка в таких случаях незаменимая вещь. Единственный её недостаток – это хрупкость, поэтому относиться к ней нужно очень бережно.

Быстро расправившись с харчо, я приступил к чаепитию, закусывая сухарями с сыром и колбасой.

– Вот, студент даёт! – удивился Агатов, бросив взгляд в мою сторону. – Я ещё суп не начал, а он уже чай пьёт!

– Силён, бродяга! – похвалил Бугор.

– В здоровом теле – здоровый аппетит! – ответил я весело.

– А у меня аппетита совсем нет, – пожаловался Янис, апатично ковырявшийся ложкой в своей миске. – Кажется, горняжка начинается.

– Ничего, Янис, сегодня осталось уже немного пройти! Завтра будет легче! Вот увидишь, – как могла, успокаивала его Регина.

После обеда устроили сиесту, пережидая полуденный зной и восстанавливая утраченные силы. На самочувствии многих из нас сказывались чрезмерно тяжёлые рюкзаки и пресловутая акклиматизация.

***

Мы помогли друг другу навьючиться заплечными баулами и вышли ровно в 15:00. По набитой конной тропе за одну, казалось, нескончаемую ходку добрались до слияния рек Тер-Аша и Ташкаров. По мосту переправились через Тер-Ашу и на выбранной достаточно удобной для установки палаток площадке наконец-то сбросили свои порядком осточертевшие за день рюкзаки.

– Всё! – устало выдавил Дядя, расправляя натруженные плечи. – Ишачка закончилась!

– Даже не верится! – через силу улыбнулась Регина.

Все облегчённо вздохнули. Осознание того, что уже завтра наши рюкзаки существенно похудеют, настраивало нас на мажорный лад. Началась приятная суэта по обустройству лагеря. А тут главное не щёлкать клювом, иначе лучшее место для установки палатки займут заклятые друзья-конкуренты. Как нередко бывает в таких случаях, не обошлось без препирательств.

– Коля, убери свой рюкзак! – бесцеремонно распорядился Блондин. – Мы тут палатку поставим.

– Э-э, дорогой! Зевать надо меньше! Место уже занято, – упёрся Николай.

– Коля, имей совесть! – насел я на Викторова с другой стороны. – Эта площадка самая большая, как раз под нашу «Корову».

Николай хлопнул себя по карманам и, сделав испуганное лицо, выпалил:

– Извини, друг! Я, кажется, её дома оставил!

– Чего оставил? – спросил я, не заметив подвоха.

– Ну, эту! Как её... Совесть! – Коля нагло улыбнулся.

– Понятно. У Вас, сударь, паталогическая амнезия на фоне полной деградации личности! – установил я беспощадный диагноз.

– Скромнее надо быть, Коля! – ловко вклинилась в «светскую беседу» Готовская. – И люди к тебе потянутся! Ты же хороший парень! Не наговаривай на себя!

Алёна включила всё своё женское обаяние, и Викторов безвольно «поплыл», уступая её чарам. Он уже готов был освободить площадку, но в этот переломный момент в разговор встрял Бугор:

– Молодец, Коля, хорошее место выбрал! Мы тут две палатки тандемом поставим!

– А вам не жирно будет? Тандемом они поставят! – вскипел возмущённым разумом Блондин.

– В самый раз! – Бугор разогнул довольной улыбкой свою волосатую подкову под носом.

– Что за шум, а драки нет? – вмешался Дядя.

– Да вот, тут Коля нам местечко забил для тандема, а «коровяки» беспардонно пытаются оспорить! – нахально рассмеялся Бугорский.

– Граждане! Он нас какашками обозвал! – вспыхнула негодованием Алёна.

– Да будет вам известно! Коровяк – это не коровьи какашки, а коровий навоз, пролежавший на открытом воздухе не менее года и превратившийся в перегной, – посчитал своим долгом уточнить Васюков.

– А тебе от этого легче? – поинтересовался я у Вити ледяным тоном.

Простейший вопрос поставил его в тупик.

– Бугор, а ты вообще тут сбоку-припёку. Ишь, присоседился! – не сдержался Блондин.

– Чего? – повысил голос Бугорский.

– Стоп! – рявкнул Семён. – Что за дела? Кто первый занял место?

– Я! – гордо ответил Николай.

Дядя расплылся в счастливой улыбке. Такой ответ его вполне устраивал. Семён повернулся к «коровьякам» и недоумённо развёл руками:

– Так в чём же дело?

– Эта площадка как раз под «Корову», а ваши палатки здесь можно поставить где угодно! – попытался доказать я свою правоту.

– А вон та площадка тебя чем не устраивает? – Дядя указал на неровную площадку подходящих размеров.

– Так она горбатая! – скривился Блондин.

– Ах, горба-а-а-тая?! – вытянул физиономию Семён. – А вы её ледорубами, ледорубами... Безде-е-е-льники! Готовую площадку им подавай! А на морене что будете делать? Тренируйтесь, пока время есть! Ну и молодёжь...

Агатов демонстративно отвернулся от нас, давая понять, что разговор окончен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.